

чится мелкими ручейками». ²⁰ Этим смелым поэтическим образом заканчивает Карамзин пятый том «Истории», повествующий о падении татаро-монгольского ига.

Но обратившись к внутренней, политической, истории России, Карамзин не мог миновать и иного аспекта в освещении темы народа — социального. Современник и свидетель событий Великой французской революции, Карамзин стремился уяснить причины народных движений, направленных против «законных правителей», понять характер мятежей, которыми была полна русская история уже начального периода. В дворянской историографии XVIII в. широко бытовало представление о русском бунте как проявлении «дикости» непросвещенного народа или же как результате происков «плутов и мошенников». ²¹ Карамзин делает значительный шаг вперед в уяснении социальных причин народных мятежей. Он показывает, что предтечей почти каждого бунта является бедствие, порой и не одно, обрушивающееся на народ: это и неурожай, засуха, болезни, но главное — к этим стихийным бедам добавляется «утеснение сильных». «Наместники и тиуны, — замечает Карамзин, — грабили Россию, как половцы». И следствие этого — горестный вывод летописца, к которому внимательно прислушивается автор «Истории»: «... народ за хищность судей и чиновников ненавидит и царя самого добродушного и милосердного». ²² Однако грозная и разрушительная сила народных мятежей заставляла Карамзина усматривать в них некий провиденциальный смысл, карающую волю всевышнего. Сложной, исполненной трагических противоречий рисовал Карамзин историю России. Неотступно вставала со страниц книги мысль о моральной ответственности власти за судьбы государства. Вот почему традиционная просветительская идея монархии как надежной формы политического устройства обширных государств — идея, разделяемая Карамзиным, — получила в его «Истории» новое наполнение. Верный своим просветительским убеждениям, Карамзин хотел, чтобы «История государства Российского» стала великим уроком царствующим самодержцам, научила бы их государственной мудрости. Но этого не произошло. ²³ «Истории» Карамзина было суждено иное: она вошла в русскую культуру XIX века, став прежде всего явлением литературы и общественной мысли. Она открыла современникам огромное богатство национального прошлого, целый художественный мир в живом облике минувших столетий. Неисчерпаемое многообразие тем, сюжетов, мотивов, характеров не на одно десятилетие определило притяга-

²⁰ История государства Российского, т. 5, с. 410.

²¹ См.: *Тагищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887, кн. 1, с. 65.

²² История государства Российского, т. 3, с. 29—30.

²³ См.: *Вацуро В. Э.* Подвиг честного человека. — В кн.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 38 и след.